

Глава 8. Не испугался, а научился

Утром, после скромного завтрака, из резиденции князя доставили пять тысяч лянов серебра. Еян Цы отправился на рынок, где закупил множество железных сельскохозяйственных орудий, лесоматериалов, семян пшеницы, рапса и хлопка, а также связки саженцев тутового дерева и абрикоса. Всё это добро загрузили на пять телег.

Осталось ещё более четырёх тысяч двухсот лянов. Деньги упаковали и спрятали в экипаже. Еян Цы удовлетворённо похлопал Тан Шицзина по плечу:

— Возвращаемся, сюньцзянь Тан.

Шесть повозок выстроились в небольшой караван. Возниц наняли вместе с транспортом. Экипажем Еян Цы по-прежнему правил Фан Юэ, а Тан Шицзин, не став садиться внутрь, поехал верхом, замыкая колонну.

От Гаотана до уездного города Сяцзинь на быстром коне было меньше двух часов пути, но гружёные телеги из-за неровностей почтового тракта двигались медленнее, так что дорога должна была занять больше половины дня.

Еян Цы, мерно качаясь в экипаже, почувствовал неладное. Путь сюда не казался таким долгим. Почему же обратная дорога ощущается длиннее и извилистее? Даже с учётом медленного каравана, они уже должны были прибыть.

Он откинул занавеску и выглянул наружу. По обе стороны тракта простирались пустоши и поросшие редким лесом склоны. Внезапно со стороны холма со свистом прилетела стрела и, вонзившись в дерево, задрожала у самого окна.

Еян Цы отпустил занавеску, но тут же снова откинул её, остро взглянув в ту сторону, откуда пришёл снаряд.

На склоне виднелись неясные силуэты всадников. Звон колокольчиков и стук копыт приближались. Семь-восемь стрел со свистом прорезали воздух, вновь целясь в экипаж господина.

Возницы, судорожно дёргая вожжи, в панике закричали:

— Разбойники-сянма! Это разбойники-сянма! Бежим!

Прежде чем стрелы достигли цели, их срубил клинок Тан Шицзина. Он грозно рявкнул возницам:

— Не смей бросать груз! Кто побежит — умрёт на месте! — А затем бросил Фан Юэ: — К оружию, в бой!

Фан Юэ тут же откинул полог за сиденьем и достал лук. Остальные возницы, понимая, что от метких стрелков-сянма не скрыться, попрятались в своих телегах, дрожа от страха.

Силуэты на холме стали отчётливее. Это было сорок-пятьдесят налётчиков с луками, мечами у пояса и колчанами за спиной. В войлочных шапках, с дикими криками, они неслись со склона вниз.

Фан Юэ натянул тетиву и первым же выстрелом сбил главаря передового отряда. Бандиты разразились яростной бранью и пришпорили коней.

Тан Шицзин, уворачиваясь от вражеских стрел, одну за другой выпустил свои, сразив ещё нескольких врагов. Видя, что противник уже близко, он повесил лук на седло, запрыгнул в экипаж и сказал Еян Цы:

— Разбойников слишком много. Прошу господина выйти и принять бой вместе со мной, иначе груз не уберечь.

Еян Цы, невозмутимо положив руки на колени, ответил:

— Я не силен в боевых искусствах и всегда предпочитал убеждать людей словом.

Тан Шицзин нахмурился:

— Сейчас не время для разговоров! Господин до сих пор не вступил в бой, потому что у вас нет оружия? — Он вытащил из-под сиденья тяжелый меч и положил его на бедро Еян Цы. — Это мой запасной клинок. Обстоятельства вынуждают, так что используйте этот.

Еян Цы опустил взгляд на искусно сработанный клинок «гусиное перо» и обхватил рукоять пальцами.

Тан Шицзин выпрыгнул из экипажа прямо на спину коня, выхватил меч и, указав на приближающихся бандитов, крикнул:

— Идите на смерть!

Он сжал бока коня ногами и, держа меч наперевес, ринулся в гущу схватки.

Клинки столкнулись, высекая искры и оглушительно звеня. Тан Шицзин, перехватив выпад,

развернул запястье, и его лезвие, вспоров живот противника, оставило за собой кровавый след, брызнувший ему прямо на лицо.

Разбойник с воплем повалился наземь.

Тан Шицзин слизал с губ сладковатую кровь. Его клинок описал в воздухе полукруг, сверкнув подобно холодному месяцу, и вновь вонзился в плоть. Ощущение того, как сталь режет мышцы и ломает кости, передавалось через рукоять. Он наслаждался каждым мгновением этой смертельной победы.

Срубив ещё нескольких врагов, сюнцзянь Тан мельком оглянулся на караван и увидел, что телеги окружены.

Один из налётчиков, разрубив верёвки на брезенте, увидел лишь саженцы с комьями земли.

— Твою мать! — в ярости взревел он. — Тащиться в такую даль ради каких-то кустов! Будто в горах деревьев или земли мало!

Другой предводитель вскрыл следующую телегу. На этот раз там были не саженцы, а груды досок, мотыги, грабли, молотки и плуги. Он рассвирепел ещё больше и заорал во всё горло:

— Какой сукин сын дал наводку?! Мать твою! Потратили время на это барахло! И что с ним делать? Поля пахать?

— Тут есть пшеница, а ещё... семена хлопка и рапса. Зерно хорошее, брат.

— А ну, руки прочь! — не в силах смотреть, как портят семена, Фан Юэ бросился на них, вступая в ожесточённую схватку.

Один из бандитов, решив, что всё самое ценное спрятано в богатом экипаже Еян Цы, одним ударом разрубил занавеску. Не успел он разглядеть, кто внутри, как резко отлетел назад.

Он тяжело рухнул на спину, забившись в конвульсиях, а из его горла вместе с кровавой пеной вылетел серебряный самородок и покатился по пыльной дороге.

— Тайное оружие! Нет, это серебро! — глаза налётчиков налились кровью, и они с мечами наперевес бросились к экипажу.

Когда занавеска была разрублена, Тан Шицзин уже убрал меч и натянул тетиву, целясь в бандита, пытавшегося ворваться внутрь. Если бы Еян Цы не пустил в ход серебро, стрела патрульного инспектора пронзила бы голову врага.

Но господин Еян предпочёл использовать деньги.

Серебряные самородки один за другим вылетали из экипажа, с поразительной точностью попадая разбойникам прямо в глотки. Брызгала кровь, и ни один бросок не прошёл мимо цели.

Тан Шицзин усмехнулся, и в уголках его глаз промелькнуло одобрение. Он смотрел на полускрытую фигуру внутри. Сняв с тетивы боевую стрелу, он достал из колчана свистящую стрелу, поджёг порох и выпустил её в небо.

Раздался пронзительный свист, и в вышине взорвалась красная вспышка.

Засада лучников из патрульной инспекции, скрывавшаяся в лесу, увидев сигнал, вскочила на коней и понеслась к дороге.

— Засада! Уходим! — бандитов осталось меньше половины, и, завидев подкрепление, они бросились врассыпную.

Тан Шицзин зорким глазом выхватил в толпе главаря, чьё имя значилось в указах о розыске, догнал его и одним ударом снёс голову. Кровь хлынула фонтаном.

Последние выжившие скрылись. Тан Шицзин приказал своим людям не преследовать их. Он подошёл к убитому главарю, отрубил голову другому, связал их за волосы и повесил по обе стороны шеи своего коня.

Ещё тёплая, густая кровь капала на землю, оставляя за собой след, похожий на расцветающие алые лотосы.

Когда пыль улеглась, повсюду остались лишь трупы и пятна крови. Кони разбойников были собраны лучниками — ещё одна статья дохода.

Тан Шицзин, откинув обрывок занавески, забрался в экипаж и увидел, что Еян Цы сидит в прежней позе, а меч в ножнах всё так же лежит у него на коленях.

Он вытер рукавом кровь с лица и глухо произнёс:

— Господин испугался. Это моя вина.

Еян Цы с тонкой усмешкой посмотрел на него, и в глубине его глаз застыл холод, подобный инею.

— Я не испугался, а научился. Оказывается, стратагему «бросить кирпич, чтобы получить

яшму» можно использовать и так. Интересно, удобно ли вам, сюньцзянь Тан, было использовать меня в качестве «кирпича»?

Тан Шицзин склонил голову в знак раскаяния:

— Господин, вы преувеличиваете. Я бы не посмел рисковать вашей жизнью, не приняв всех мер предосторожности.

— И эти «меры» включали в себя вручение мне меча, — Еян Цы взял клинок и бросил его обратно. — Тан Шицзин, вы способный человек, но когда ваши способности направлены против меня, мне это не нравится. А то, что мне не нравится, я не буду ни использовать, ни видеть.

Тан Шицзин понял: господин всерьёз задумался о его увольнении или переводе. Сяцзинь хоть и был мал, но оставался территорией, где слово уездного судьи было законом.

Он, не колеблясь, опустился на одно колено:

— Я был дерзок. Впредь подобного не повторится. Прошу господина простить меня в этот единственный раз.

Еян Цы не верил в искренность его слов, но, оценив решительность и умение признавать ошибки, решил дать ему шанс.

— Я прощу вас, но только один раз. Моё терпение не безгранично. Раз я сказал, что прощаю, значит, между нами не останется обид. Но если будет второй раз — пощады не ждите. Подумайте об этом.

Тан Шицзин глубоко вздохнул, обнажил меч «гусиное перо» и полоснул себя по левому плечу. Ткань рукава мгновенно пропиталась кровью. Не дрогнув в лице, он произнёс:

— Я наказываю себя сам в назидание. Господин может не верить моим словам, но продолжайте меня использовать.

Еян Цы молча протянул ему чистый хлопковый платок:

— перевяжите. На сегодня достаточно.

Тан Шицзин быстро затянул рану и поднялся:

— Я прикажу людям собрать караван, мы возвращаемся в Сяцзинь.

— Пойдите, — добавил Еян Цы. — Соберите моё серебро. До последней крупинки.

Патрульный инспектор кивнул и велел подчинённым искать монеты в дорожной пыли и траве. Еян Цы выпустил семнадцать самородков, а вернули ему двадцать два, перепачканных в крови. Он спросил, чьи были лишние пять, но никто не ответил.

Когда он скрылся в экипаже, Фан Юэ шепнул начальнику:

— Это мои. Побоялся, что эти лучники припрятут часть, и господин снова рассердится. Вот и выложил всё, что было при себе. Лишнее лучше, чем нехватка, верно?

— Молодец. Верну тебе при дележе добычи, — ответил Тан Шицзин.

Он похлопал по голове, висевшей слева от седла, и довольно пробормотал:

— Сто пятьдесят лянов. — Затем похлопал по той, что справа: — Двести лянов.

Окровавленные головы разбойников под его ладонью ощущались словно перезрелые дыни.

Еян Цы искоса наблюдал за ним через прореху в занавеске. Тан Шицзин был поистине обоюдоострым мечом — праведным в своей жестокости и жестоким в своей верности. Кто знает, кем он был до Сяцзиня и куда приведёт его этот путь.

Когда повозки тронулись, настроение господина Еяна улучшилось, и даже изрешечённые стенки экипажа перестали его расстраивать.

Он планировал по возвращении созвать всех старост, оценить состояние каждого хозяйства и, исходя из нужд людей, распределить закупленные орудия и семена. Кроме того, нужно было составить план ремонта и строительства в городе, чтобы каждая монета из этих двадцати тысяч лянов была потрачена с умом.

Сейчас проблема со средствами была временно решена, но главным препятствием оставались люди.

«Рабочей силы катастрофически мало! — Еян Цы помрачнел. — Молодых мужчин не хватает, а женщин детородного возраста и того меньше. Сколько я ни ходил по улицам и переулкам, почти не слышал детского плача...»

Когда они прибыли к месту, Тан Шицзин, заметив его хмурый вид, спросил:

— Господин чем-то обеспокоен? Я готов исполнить любое поручение.

Еян Цы поднял взгляд, окинул статную фигуру помощника и с сожалением вздохнул:

— Скажи, почему такие крепкие молодцы, как ты, не могут забеременеть и рожать? Воистину, небеса несправедливы.

Тан Шицзин:

— ...

Тан Шицзин:

— Я откланяюсь.

<http://bllate.org/book/15875/1436940>